

Высокие снега моей деревни

Несмотря на драный ватник, ее считали кулачкой

Высокие столбы печных дымоходов над крышами, избы утонули в пыльных сугробах... Нынче снега такие высокие: отступились с пропавшей тропинки — оказались в снежном плену. Спешу — мама заболела. Пешком по сугробам подбираюсь к избе, а сама думаю: «А может, это я через толщу лет торю тропку в твою и свою память, мама?»

**Мы
расстались
со многими
праздниками,
но День
Победы
останется
навсегда**

После раскулачивания мужа Мурзагали Сатлыкова и его отца Шайхислама Сатлыкова мою бабушку, Зулейху Сатлыкову, тоже раскулаченную, забрали к себе ее братья-коммунисты. Бедные, а потому не преследуемые властью, сумели избавиться от «кулацкой» фамилии, которая была как метка неблагонадежности. До замужества бабушка сумела окончить рабфак в Уфе и теперь могла зарабатывать на жизнь сама. Отправили ее работать в самую глухую деревню района — в Хамитово. Может, братья руководствовались мыслью, что люди обо всем быстрее забудут: ведь бабушка, несмотря на драный ватник, тоже «кулачка».

Семья долгое время квартировала у хозяйки, у которой было «семь по лавам». Позже местные советы выделили старенькую избу в одну комнату с расщелинами в стенах. Кажется, жизнь налаживалась. Из деревушки мало кто куда выезжал и редко кто туда приезжал. Летом все заготавливали сено, собирали ягоды, зимой же деревья, выставив макушки изобков, утопала в сугробах. Жили без радио, при персонной лампе. Не знали новостей и не интересовались ими. И бабушка моя, Разяпова Зулейха, спокойная и справедли-

вая учительница, пришла ко двору.

Война застала маму уже, как она считает, совсем взрослой: ей исполнилось целых 10 лет. К тому времени в семье появился мужчина — отчим с двумя малышками: сестренкой и братиком. Купили корову, коз, завели кур. О начале войны сообщил районный нарочный, усталый после тряска по разбитой дороге

в 60 километров, голодный, злой, как черт, и грязный после недавно прошедших сильных дождей. Молчаливо и хмуро «выпал» — именно так говорит мама — с замученной дошапки и как-то обиденно и ровно сказал, что началась война. Потом были проводы отчима на фронт. Сколько себя

помню, только добрым словом вспоминает моя мама человека, который действительно стал ей родным отцом. Война ослепила маму и бабушку второй раз, малыши же толком не могли понять, почему это взрослые плачут, старались, как могли, успокоить.

Война поначалу как бы обошла семью стороной. Бабушка работала учительницей и на старенькой швейной машинке обшивала всю деревню — кому платье, кому рубашонку. Это потом, когда я уже училась в школе, она на этой же машинке шила ватники и пальто. Люди расплачивались, чем могли: яйцами, хлебом, картофелем и даже дровами. А еще выдавали норму: крупы, чай, мыло, муку... После похоронки на отчима мама как-то почернела, замкнулась, ушла в себя, даже какое-то время перестала посещать школу. Наступила весна 43-го. Застудились все запасы, а тут простудились и заболела бабушка. Пришлось маме все домашние заботы взять на себя. Мама моя росточком маленькая, и когда ходила к речке за водой, сгибалась под тяжестью ведер, которые почти доставали до земли: казалось, что ведра сами двигаются по буйно разросшемуся бурьяну. Малыши просили есть. Школьные мамы подруги засобирались на колхозное поле за 20 километров за картошкой,

которая осталась после урожая и перезимовала в земле. В соседнем селе Кага жили, в основном, русские. Девчушки ни свет ни заря тронулись в путь, обходили реку Кагу по горным тропкам, по весенней распутице добрались до поля. Стали копать. Немного ее было, промерзшей и прогнившей картошки, но почти по полмешка собрали. Тут послышались крики, лай собаки, откуда-то появился колхозный сторож. Мама и ее подруги не понимали, что он кричал, но его рыжая борода и грозный вид напугали их: бросились враспынную. Мама и ее неразлучная одноклассница Гайша бежали вместе, напрямик, через реку. Весенняя вода Каги была не только бурой от грязи, но и нестерпимо ледяной. Но не бросать же мешки, когда дома голодные ребятишки ждут обещанной картошки, а мама мечется в жару и тоже есть хочет. Подняв над головой мешки с драгоценной ношей, борясь с сильным течением воды, доходившей почти до шеи, девчата добрались до противоположного берега и обессиленные, мокрые, но счастливые, что сохранили еду, выбрались на берег... Конечно, этот поход за картошкой не прошел даром: бабушка выздоровела, а мама почти до конца весны провалялась с воспалением легких... Летом мама собирала живину — сосновую смолу. Работа тяжела. Как только хрупкая мама выдерживала все это?

Шел последний год войны, деревня получила похоронки, иногда — солдатские треугольники. Все с нетерпением ждали Победу. Деревня копошилась на грядках, возила дрова и сено, ходила в лаптях, детей растила, отправляла посылки на фронт, собирала деньги для строительства танков и самолетов. Мама и ее ровесники, изголодавшиеся и почерневшие, но живые, встретили долгожданный день. До этого всюду еще были сугробы, но как-то разом все обмели, просели и растаяли...

Да будут всегда высоки и белы снега твои, моя деревушка! А вместе с ними будь благополучна ты сама — от первого крика петуха до снежного звона сережек на березах у опушки леса, откуда я гляжу и не могу наглядеться на тебя, моя деревня!

Факия Мурзагалиева Сатлыкова с правнуком.

Много воды утекло с той победной весны в реке Кага. Разрослась деревня — не узнать. Почти в каждом дворе машина — хамитовцы теперь пешком не ходят. Да и дороги стали хорошие, за 20 километров от деревни прохлдит автомобильная трасса в Уфу. Деревянную школу, где я училась, снесли, построили новую — двухэтажную. Люди давно позабыли о керосиновых лампах, в каждом доме

телевизор и холодильник. Жив еще в деревне последний ветеран Великой Отечественной войны — памятник, на котором высечены имена погибших в войну односельчан, среди них — мамин отчим. Мама моя живет в деревне. Из ее поколения здесь она осталась одна. Награждена медалями «Ветеран труда» и «Ветеран тыла». Сейчас она инвалид II группы.

В последние годы мы расстались со многими праздниками. Но День Победы останется с нами навсегда, его будут отмечать наши дети, внуки и правнуки. Потому что нельзя вычеркнуть из памяти 1418 дней самой страшной в истории человечества войны.

Ранса КРЫЛОВА,
преподаватель
профессионального
училища № 53.

Берлинский парад

СТРОКА В БИОГРАФИИ

22 июня 1941 года Кузьма Сергеевич Батраев, учитель сельской школы, вместе с другими отмечал за селом Париж Нагайбакского района Сабантуй — любимый праздник сельчан. Веселье, песни, танцы, теплый солнечный день.

В самый полдень объявили о начале Великой Отечественной войны, люди с криком и плачем разбежались по домам.

— Призван я был на четвертый день войны, — вспоминает Кузьма Сергеевич. — Сначала направили в Смоленск, затем в Ирбит, и после семимесячной учебы новоблаженными младшим лейтенантом я попал на фронт.

Сразу оказался в самой гуще событий под Сталинградом. Отсюда начался его боевой путь. Вместе со своей Гвардейской краснознаменной артиллерийской бригадой прошел всю Европу. За взятие Одессы дивизии было присвоено наименование — Одесская, а после взятия Берлина она была награждена орденом Богдана Хмельницкого. Немало наград и у самого Кузьмы Сергеевича: два ордена Отечественной войны, два ордена Красной Звезды, боевые медали. Батраеву, начальнику разведки дивизиона, регулярно приходилось бывать в тылу противника...

Долгим был путь к Победе: через донские степи, Украину, Молдавию, Варшаву. В марте 1945-го форсировали Одер, до Берлина оставалось 60 километров. Наступление, тяжёлые уличные бои. Бригада Батраева участвовала в штурме Силезского вокзала, здания гестапо, министерства обороны, министерства иностранных дел, министерства авиации, берлинской ратуши и канцелярии Гитлера. Вскоре по войскам разнеслась весть: Гитлер покончил жизнь самоубийством...

На гарнизонной службе в Берлине Батраев пробыл до 1947 года и лишь потом вернулся в родной Париж, стал работать, как и до войны, в средней школе. Был военруком и заведом. Вместе с женой Клавдией Ивановной вырастили пятерых детей, поставили их на ноги и дали хорошее образование.

Кузьму Сергеевича с 1947 по 1955 год избирали секретарем территориальной партийной организации села Париж, он был делегатом партийных конференций, несколько раз избирался депутатом Парижского сельсовета, членом исполкома сельсовета. Он и сегодня бодр и жизнелюбив. А самым счастливым моментом в жизни считает Парад Победы в Берлине, где он с честью прошёл как представитель великой державы, словившей грозного врага.

Михаил ГУРЕЕВ,
участник ПУ № 47.

Несомненно, важнее, как принимает человек судьбу, нежели какова она на самом деле.

Вильгельм ГУМБОЛЬДТ

Крепкие корни на уральской земле

СУДЬБА

Во сколько судеб внесла война свои коррективы, заставила изменить жизненные планы, сорвала с насиженных мест! Наташа Замулякова мечтала после школы выучиться на учителя — много было в родне педагогов, но летом сорок первого она наравне со взрослыми рыла в предместьях Кривого Рога окопы, траншеи, таскала на крыши домов воду против зажигательных бомб, дежурила там ночами с противотанковым через плечо. А в августе вместе с предприятием, на котором работал отец, пришлось отправиться в эвакуацию. Из домашнего скарба, считай, ничего не взяли. Времене не было, да и железнодорожные платформы, на которых отправлялись в путь, «под завязку» были забиты заводским оборудованием.

Ехали долго, почти месяц, а куда — никто не знал. Наконец, последняя станция — Магнитогорск. Дали на семью малосенькую комнату в бараке. Стол, две кровати да печь с плитой — вот и все, что в ней умещалось.

Не успела Наташа на новом месте освоиться, как повестку

принесли: обязана идти в ремесленное училище осваивать рабочую профессию. И какую — уже выбрали за нее: машинист мостового крана. Что подлаещь — война, тогда ничем желаниям и мечтам не было места. С другой стороны, в чисто бытовом плане ремесленное и выручало. Выдали форму — гимнастерку и юбку, ботинки. И в столовой кормили.

— Сутра теорией позанимаемся, а потом соберет нас мастер, как цыплят, и строем ведет обедать, — теперь уже во все стороны вспоминает о том времени Наташа Григорьевна.

Хотя теорией их долго не мучили: комбинату катастрофически не хватало рабочих рук. Чуть ознакомились с устройством основных типов мостовых кранов, как учеников направили учиться практике на производство, распределили к наставникам. Наташа попала в чугунолитейный цех и уже через несколько месяцев работала самостоятельно.

В цехе было восемнадцать кранов грузоподъемностью от пяти до сорока тонн. Наташа и не за-метила, как все освоила. Куда скажут, туда и идет. Отключается не стает. Работа ответственная — военные заказы. Сегодня подает формы для танковых ба-

шен, корпуса для мин, завтра лезет на разливочный кран. Ладно, если пустые ковши подавать разливщикам, а то — с расплавленным металлом к изложницам или на поддоны. Высота пятнадцать метров, нужны точность и глазомер. Ни качнуть, ни удрать, ни за что не зацепить.

— Со мной одно время крановщица работала. Женей звали, — вспоминает Наташа Григорьевна. — И вот однажды стала она поднимать ковш с металлом, а он и закрутился во все стороны: серга на крюк не до конца села. Ладно, без беды обошлось. Но Женя так и не смогла собой справиться, избавиться от страха. Ушла из крановщицы.

Как работали «малолетки» в войну, долго рассказывать не надо. Усталые ли, голодные, а смену, которая тянулась порой двенадцать, а то и больше часов, надо отработать. Выходные, отпуска — об этом даже не думали. Обеденный перерыв — пятнадцать минут. Суп в столовой уже по тарелкам разлит, только сели за стол — несут второе. Правда, порции были невелики, моментально проваливались в пустой желудок.

Летом жара на верхопуре, знойная железная кабина крана вся в

инее. Руки так закованены, что рычаги не держат. Хорошо, если рабочие внизу найдут минутку, кирпичи нагреют и подадут на веревке. А то электролитку из дома приносила, чтоб хоть ладони над ней подержать.

— И ведь работали, не ныли. Даже о зарплате не думали, еще на государственные займы сколько денег отдавали! — рассказывает Наташа Григорьевна как бы с удивлением: вот ведь, действительно, какое было время. — Молодые, зеленые еще совсем, а мысль у всех одна — все для фронта. Из моей родни две сестры и их мужья ушли на фронт в первые же дни. И еще три брата. Братья так и не вернулись с войны. Работашь и думаешь: вот и я что-то делаю для победы.

И дождалась ее, Победы, которую не зря называют Великой. Столько отдано ей сил, страдания, жертв. А ровно через год после войны Наташа вышла замуж, сменив девичью фамилию Замулякова на Динник. Работала с Анатолием в одном цехе. Ему, Наташину одному году, тоже пришлось хлебнуть лиха. Мальчишкой на Украине попал в оккупацию, оттуда угнали его в Германию. Освободили толь-

БЫЛОЕ

Добротой и надеждой

В многодетной семье крестьянина Никиты Цымбалюка старший сын Федор уже с детства «атаманил» среди ровесников, с болью воспринимал несправедливость и жадность.

После скоростной смерти отца умерла и мать. Младших братьев и сестер устроили в приют, а восьмилетний Федор стал беспризорником. Жители села Нерубайка Кировоградской области нередко видели его с протянутой рукой. Когда было совсем плохо — подворывал. Жил где придется, хотя в школу ходил. После семилетки устроился штурвальным на комбайн. На всю жизнь запомнил слова комбайнера: «Если поймаешь — убью!»

Работа нравилась — все свободное время посвящал уходу за комбайном. Но судьба внесла свои коррективы. В 1934 году через село проезжал член ЦК партии Украины П. Постышев. По его указанию беспризорники-семиклассники были направлены в Умань для поступления в авиационный техникум, после окончания которого Федор был направлен в Ангельс слесарем по ремонту авиационных двигателей...

Война застала Федора Цымбалюка в Одессе на курсах повышения квалификации. Тогда-то он и стал летать на боевые задания стрелком-радистом. Однажды самолет был сбит, пришлось выпрыгнуть с парашютом. Приземлился на ничейной земле между нашими и румынскими войсками. Справа знаком застрекотал наш пулемет — туда и двинулся Федор. Шел, с трудом преодолевая трясину. На рассвете присел отдохнуть, глаза невольно сомкнулись. Проснулся, услышав голоса и хлопание воды, схватился за пистолет, но получил удар прикладом автомата. Теряя сознание, успел выпустить всю обойму. Очнулся — два вражеских трупа. Подобрали его наши в полубессознательном состоянии. После перевязки доставили на крейсер «Червона Украина», откуда — в госпиталь Новороссийска.

После выздоровления был направлен в Магнитогорск. Работал в новостановочном цехе слесарем по обслуживанию гидравлических машин. После войны стал механиком, почти три года, по указанию главного механика комбината, строил в горном управлении кузнечный цех. В качестве первого секретаря райкома комсомола принимал участие в строительстве дороги на Банное, два года возглавлял пионерский лагерь «Сосновый бор», а с 1953 года был заместителем начальника цеха кузнечно-прессового оборудования...

Выйдя на заслуженный отдых, Федор Никитич увлекся садоводством и пчеловодством, но сказались контузии и инсульт. Сегодня он — подопытный житель специализированного дома «Ветеран», благодарен чуткому и внимательному персоналу. Не забывает его и товарищ по работе ветеран Петр Харлампиевич Барков. Им вместе есть о чем поговорить, что вспомнить. Жена Баркова, собирая мужа навестить Цымбалюка, обязательно на-казывает спросить: не нужна ли помощь, что приготовить вкусного? Так и живут старики, меньше надеясь на государство, а больше — друг на друга да на родной комбинат...

Николай ДОМОЖИРОВ,
ветеран труда.

Второе рождение

Ветеран войны Николай Петрович Сафонов живет сегодня в поселке Агаповка — у него добротный дом, во всем порядок. Ветерану 86 лет.

Родился он в Харьковской области в крестьянской семье, окончил среднюю школу, а затем с отличием — ветеринарный институт. С первого дня войны стал рваться на фронт, по просьбе удовлетворили только через год — 22 июля 1942 года. Направили в танковое училище, которое из Киева было переведено на Урал в Кунгур, где учился до февраля 1943 года. Затем на танковом заводе за месяц сформировали роту.

Были Брянский фронт, Курская дуга. Самыми опасными для танкистов были переправы через реки. Так, через Оку удалось переправиться только с третьей попытки. Под шквальным огнем пришлось ремонтировать танк. Сафонов был ранен в левый глаз. Уже в полевом госпитале узнал, что рота переправилась без потерь, хотя пехоты погибло много.

Отправили в Тулу, где сделали операцию, повторную — в Свердловске. Когда выписались из госпиталя, стал перебирать вещевой мешок, нашел танкистские часы, а в них вмятина от осколка. Понял, что это и спасло ему жизнь. Так на Курской дуге он родился второй раз.

Сегодня Николай Петрович строго и внимательно всматривается в современный мир. Он не брезжит, не осуждает нынешний уклад жизни, в своих трудах и заботах живет наполненно, по-другому не умеет. На его груди ордена Отечественной войны I и II степени, медали. В День Победы он и его друзья-фронтовики собрались вместе, вспомнили о военном лихолетье, о погибших друзьях, пожелали всем живущим: войны не должно быть никогда.

Сергей КИСЕЛЕВ,
учащийся профессионального лицея № 13.

ко в сорок пятом и, не спрашивая, — а как же, «заятанный»! — отпраздники пополнили рабочую силу Магнитки. Так оба — бывшие жители Украины — навсегда стали уральцами.

Долгую жизнь прожила вместе чета Динников, но три года назад Наташа Григорьевна овдовела. И умер ее Анатолий в день, когда они сыграли свою скромную свадьбу, — второго мая. Так уж распорядилась судьба. И хоть живет сейчас Наташа Григорьевна одна в своей скромной квартирке, но ей есть на кого опереться. Не забывают ее дочь и сын, которых с мужем и выростили, и внуки. Нина Анатольевна осуществила мечту матери — стала педагогом. Есть даже три внука и внучка.

Крепкие корни пустились Динники на уральской земле. А вчерашняя Григорьевна исполнилось восемьдесят лет. Пожелаем же ей здоровья, радости и любви людей, родных и близких.

Нина МОСКОВЕЦ.

Наташа (слева) во время учебы в ремесленном.